

Я уже говорил о значении XXVIII съезда. Это была схватка реформаторского и ортодоксально-консервативного течений в партии.

Спустя почти 90 лет партия на XXVIII съезде, не отказываясь от позитивных сторон своего исторического наследия, осудила тоталитаризм и присягнула демократии, свободе, гуманизму.

Это был разрыв с большевизмом, первый крупный шаг по реформированию КПСС. Но дался он тяжело, несколько раз все висело на волоске. А после съезда осталось тревожное впечатление хрупкости достигнутого прогресса. Ступив одной ногой на «новый берег», КПСС другой ногой оставалась на старом. В таком переходном состоянии застали ее последовавшие бурные события, и это сыграло роковую роль в ее судьбе.

Первые четыре-пять дней работы съезда, практически вся дискуссия по политическому отчету, прошли со значительным перевесом консервативных настроений. Ничего нового и конструктивного в выступлениях ораторов, представлявших партийно-государственную верхушку и аппарат, не прозвучало. Они не пытались сколько-нибудь объективно проанализировать ситуацию. Сказать, что должна делать сама партия, чтобы восстановить свою роль и авторитет в изменившемся обществе. По существу, пропустили мимо ушей отчетный доклад, ограничиваясь формальными ссылками на него по каким-то отдельным проблемам.

Весь пафос этих выступлений был сосредоточен на обличении и поношении руководства за то, что КПСС лишилась монопольного господства. Сетовали, многие искренне, на сложные проблемы в экономике, культуре, международных отношениях, не видя никакой своей вины, возлагая всю ответственность на «ретивых реформаторов» (говорили о «разрушителях»). Словом, это была до крайности враждебная реакция правящего слоя на реформы, угрожавшие поколебать его власть.

Что удивительно: я вот говорю, критиковалось руководство партии, на самом же деле ругали только его демократическое крыло. Поименно фигурировали генсек, Яковлев, Медведев, Шеварднадзе, вспоминали Разумовского. Но не Воротникова, Слюнькова, Крючкова, Язова, других членов и кандидатов Политбюро; кажется, не предъявлялся счет и Лигачеву. А ведь все решения принимались партийным руководством коллективно, более того, получали одобрение пленумов Центрального Комитета. Ораторы не могли этого не знать.

Доминирование консервативных настроений в прениях и их оторванность от доклада свидетельствовали о тщательной подготовке, я бы даже сказал, предварительной оркестровке, которые велись орготделом ЦК. Пока мы пытались серьезно осмыслить происшедшее и сделать необходимые выводы для политики партии, ретрограды в руководстве и аппарате «сидели на телефонах», проводили всевозможные «кустовые совещания», принимали партийных работников. Разумеется, это была обычная предсъездовская практика, но на сей раз она использовалась для того, чтобы провести съезд по сценарию контрреформаторского крыла.

До меня доходили сведения, что делегатов инструктируют отнюдь не в духе «нового мышления». Особенно активно действовали Лигачев и разделявшие его позицию заместители заведующего оргпартотделом, О. Бакланов, бывший фактически лидером ВПК. Конечно, их позиции не были для меня секретом. Но казалось немислимым, чтобы люди, несущие свою долю ответственности за каждый шаг по пути перестройки, вели закулисную работу с делегатами съезда, настраивая их на своего рода «антиперестроечный бунт». Я явно недооценил ресурсов человеческой гибкости.

К формированию агрессивного «фундаменталистского» большинства на съезде приложили руку первые секретари ЦК компартий Украины — С. Гуренко, Белоруссии — Е. Соколов и другие.

У меня была встреча с секретарями райкомов и горкомов, просидел с ними четыре часа и почувствовал, что они вели борьбу за выживание, за сохранение своей власти. А это толкало на попытку взять реванш, вернуть партию на старые позиции, в конечном счете

похоронить реформы.

Теперь о другом крыле — левее реформаторского руководства КПСС. Доклад давал им возможность задать тон дискуссии, развернуть свою аргументацию. Но они не сумели использовать этот шанс.

В выступлениях Лысенко, Шостаковского, Бузгалина, Калганова чувствовалась крайняя осторожность, были они уж очень деликатными. Вероятно, лидеров демштатформы изрядно запугали фундаменталисты. Если они вынашивали замысел увести за собой хотя бы пятую часть партии, то на съезде даже серьезной попытки размежевания не предприняли. У некоторых ораторов этого направления прозвучали, правда, призывы к своим единомышленникам хлопнуть дверью, если их мнение не будет по-настоящему принято во внимание. Но их тут же дезавуировали. В частности, Шостаковский заявил, что его группировка не уйдет. Принципы и здесь уступили расчетам. Левые не хотели отказываться от своей доли партийного наследия: зданий, газет, финансовых средств и т.д.

Все это не значит, что в дискуссии вовсе не прозвучали реформаторские идеи. Справедливости ради должен сказать, что в этом духе, притом довольно остро, выступил Ельцин. Он говорил, что нейтрализовать действия консервативных сил в партии не удалось.

Касаясь судьбы КПСС, заявил: «Или партаппарат под давлением политической реальности решится на коренную перестройку в партии, или будет цепляться за обреченные формы и останется в оппозиции к народу, в оппозиции к перестройке... Мы, отдавшие партии десятки лет жизни, сочли своим долгом прийти сюда, чтобы попытаться сказать, что выход для КПСС все же есть. Трудный, тяжелый, но выход: в демократическом государстве переход к многопартийности неизбежен. Необходимо организационно зафиксировать имеющиеся в КПСС платформы и дать каждому коммунисту время для политического самоопределения. Изменить название партии. Это должна быть партия демократического социализма. Партия должна освободить себя от любых государственных функций».

Сразу скажу: эти тезисы перекликались с Политическим докладом, были близки позициям реформаторского крыла. Но главной целью Ельцина было отнюдь не реформирование партии, а ее разрушение.

На это было направлено и его заявление, что на съезде рано обсуждать платформу и Устав.

Оставить партию в этот ответственный момент, на этапе глубоких преобразований без программных установок, не осуществив демократизации ее структуры, чего требовали все, от рядовых коммунистов и первичных организаций до ЦК компартий республик, значило подтолкнуть ее к быстрому развалу. А как можно было сформировать новое руководство, не обсудив платформы, не определив, на каких принципах следует основывать политику КПСС?

В общем, Ельцин не захотел присоединиться к реформаторскому крылу, помочь действительно спасти партию, своевременно реорганизовав ее. И, думаю, не только из-за того, что не верил в такую возможность. Его больше не устраивало участие в КПСС на вторых ролях. Он рвался к власти и видел уже себя вождем другой, своей партии. Весьма содержательным было выступление Абалкина. Он справедливо заметил, что главное для партии — обновление идейно-теоретического фундамента. «Опыт показал, что модель, основанная на тотальном огосударствлении экономики, отрицании многообразия форм собственности и хозяйственной деятельности, отрицании рынка, не способна обеспечить высокий экономический и социальный результат».

Когда академик начал приводить аргументацию в пользу рынка, его выступление то и дело прерывалось шумом в зале, захлопыванием. Но Леонид Иванович не покинул трибуну и высказал свою точку зрения в этой, все более накалявшейся атмосфере. Он сказал, что мы должны избавиться от мифов. Один из них заключается в том, будто бы

можно перейти к процветающей экономике без жертв и испытаний, не внося за это никакой платы. Другой — якобы переход этот можно осуществить, сохраняя административный контроль над ценами, не трогая систему ценообразования.

В перерыве я попытался разыскать Абалкина. Уж не помню, когда он ко мне подошел, в тот день или на следующий. Я поблагодарил его за интересное выступление, и мы стали обсуждать проблему реформы ценообразования. Вспомнили, каким сенсационным было его выступление на Первом съезде народных депутатов СССР. Тогда у многих, в том числе у меня, вызвало раздражение утверждение Абалкина, что дела в экономике идут под откос. А ведь он был прав, обращая внимание на крайнюю робость и отсутствие комплексного подхода в реформаторских начинаниях правительства. Его выступление в штыки встретили консерваторы, радикалы же клевали академика за приверженность к идее регулируемого рынка.

Уже при утверждении повестки дня XXVIII съезда был поставлен вопрос о персональных отчетах членов Политбюро. Эта тема стала, по существу, основным сюжетом всей первой части съездовской дискуссии. Такой вид приняла борьба консервативного и реформистского крыла, закончившаяся, можно сказать, вничью. Фундаменталистам, горевшим желанием «размазать по стене» тех, в ком они видели виновников своего отстранения от власти, удалось настоять на «отчетах» (правда, в основном на заседаниях секций). Но они не смогли навязать выставления оценок — унижительной процедуры, которая задумывалась как способ «публичной порки» деятелей реформаторского направления.

Я на предварительных стадиях и на заседаниях съезда откровенно говорил, что вся эта затея не имеет смысла. Политический доклад — это отчет всего ЦК и Политбюро как коллегиальных органов. При том, что его члены курируют отдельные направления деятельности партии, все принципиальные вопросы обсуждались и решались коллективно.

Конечно, в других обстоятельствах не было ничего зазорного в предложении послушать каждого члена руководства. Но в обстановке яростного политического противоборства этот метод «самоотчетов» явно замысливался для того, чтобы нанести удар по Генеральному секретарю и его окружению, поднадавить на меня, заставить изменить позицию, а если удастся — то и развенчать политически, довести до «оргвыводов».

Отчитались в конце концов все члены руководства, с разным успехом. Одни выиграли в «первом раунде», сумели показать себя с лучшей стороны благодаря искусно подготовленным выступлениям. Другие «набрали очки», отвечая на вопросы. Третьи выглядели бледно.

После отчетов и спланированного шквала критики реформаторской линии руководства «домашние заготовки» начали иссякать. Работа была перенесена в секции. В более конструктивной обстановке прошло пленарное заседание, на котором отчитались руководители секций и выступили с ответами на вопросы некоторые члены Политбюро.

Вопросы были всякие, и с «подковыркой», и доброжелательные. Мои коллеги сумели найти правильный тон, приводили убедительные аргументы, и аудитория в большинстве своем была удовлетворена. Перелом в настроениях делегатов наглядно отразился в записках, предлагавших отказаться от оценок персональной деятельности. Делегат Харитонов писал, что не следует чинить суд над членами Политбюро. «Может быть, кому-то это доставит удовольствие, но надо каждому взяться за ум и не превращать съезд в суд толпы. Мы ведь идем к более цивилизованному обществу, а нас зовут в 1937 год». Это было встречено аплодисментами.

Уловив перемену в настроениях, я поставил на голосование предложение прекратить заслушивание отчетов членов Политбюро и кандидатов. Проголосовали за — 3078, против — 1113, воздержались — 50. Сравните с этим результаты голосования, состоявшегося три дня назад. Тогда за персональную оценку были 2557 делегатов, против — 1393. Вот как

«качало» съезд. Постепенно рассудок брал верх над одержимостью, слабело влияние «накачки», которой подверглась делегатская масса.

Я много думал и держал совет с коллегами, каким должно быть в этой обстановке заключительное слово по итогам дискуссии по Политическому отчету. Заранее продуманного и отшлифованного текста у меня не было, пришлось просидеть большую часть ночи. Утром 10 июля взял слово, чтобы констатировать несколько тезисов. «Политический курс на перестройку, обновление общества в рамках социалистического выбора поддерживается съездом. Большинство делегатов понимает, что он продиктован жизнью. Несмотря на ошибки, просчеты, запоздания, несмотря на драматизм нынешнего положения в стране, общий итог происшедших перемен значителен и прогрессивен.

Главное достижение — общество получило свободу. Она раскрепостила энергию народа, позволила включить миллионы людей в политику, начать жизненно назревшие преобразования. Без этого не было бы и той атмосферы, в которой проходит съезд.

Другой вопрос — ни партия, ни страна в целом, старые и вновь образованные движения, новая наша власть, все мы не научились пользоваться обретенной свободой. Корни кризиса партии уходят как раз в неумение и нежелание понять, что мы живем и работаем уже в новом обществе — с широкой и практически неограниченной гласностью, невиданной за всю историю свободой. Нужна другая, обновленная партия; без демократизации, укрепления живой связи с народом, активной работы в массах мы будем терять позиции».

Говоря о том, как действовать дальше на главных направлениях перестройки, я поставил на первый план стратегию экономической реформы. «Наша история показала бесплодность попыток вырваться из нужды, в которой находились и государство, и граждане, путем штопанья и латания командно-распорядительной системы. Пойдем так дальше — приведем страну к банкротству. Преимущество рыночного хозяйства доказано в мировом масштабе, и вопрос сейчас только в том, можно ли в условиях рынка обеспечить высокую социальную защищенность, то, что характерно для социалистического строя, для строя трудящихся. Ответ таков: не только можно, но именно регулируемая рыночная экономика позволит так нарастить общественное богатство, что в результате поднимется уровень жизни всех.

Объявление о намерении переходить к рыночной экономике напугало народ. Рынок явился к нему в образе пустых магазинных полок и высоких цен. Начинать с цен — не тот путь, но без реформы ценообразования не может быть и рынка. В общем, нам надо исправить это впечатление и к сентябрю предложить Верховному Совету, обществу взвешенные предложения, чтобы они определились и сделали выбор».

Наиболее важным для реформирования партии было, конечно, определиться в отношении ее программных целей. «Все дело в том, что мы понимаем под социализмом. Некоторые товарищи полагают, что, если сейчас мы подтвердим в программном заявлении свою верность старым подходам, то все встанет на свои места. На какие места? Не окажемся ли мы там, где были более 60 лет с известными последствиями?»

Идеология социализма — это не учебники, где все расписано по главам, пунктам, правилам и принципам. Она будет формироваться вместе с самим социализмом, по мере того как мы будем содействовать тому, чтобы страна была накормленной, обустроенной, цивилизованной, духовно богатой, свободной, счастливой. По мере того как заново освоим общечеловеческие ценности — не как нечто классово чуждое, а как нормальное для нормального человека. Эти ценности вырабатывались столетиями, известно, чем для нас обернулось пренебрежение к ним. Идеология социализма будет формироваться в процессе включения страны в общий прогресс цивилизации. Широкие рамки для этого определяются новым мышлением, которое уже воспринимается в мире как новый наш интернационализм, спланивающий, а не раскалывающий мир на противоборствующие лагеря.

От Маркса, Энгельса, Ленина мы унаследовали высокий класс методологии мышления,

диалектический образ мысли, на что и будем опираться в теории и политике. Но не позволим превратить все созданное классиками в очередной краткий курс, о чем, по-видимому, кое-кто сожалеет. Это гибельно для перестройки, для общества. Этого не будет».

Скажу откровенно, меня порадовало, что эти слова были встречены аплодисментами. Значит, люди начали думать, сомневаться в непререкаемых догмах, не хотят, чтобы их опять посадили на скудный идеологический паек.

Пришлось мне защищать и нашу внешнюю политику, которую фундаменталисты к тому времени сделали предметом нападок, обвиняя руководство в «потере» Восточной Европы (словно она была нашей колонией!), «капитуляции» перед Западом, «сдаче» Афганистана. Впрочем, «защита» не то слово. Я постарался показать, что только неисправимые «ястребы» могут подвергать анафеме курс, который позволил покончить со сверхмилитаризацией страны, отвести мир от ядерной пропасти, создать предпосылки для нашей интеграции в мировые экономические и политические структуры.

А закончил я темой: партия и власть. «Многие делегаты выражали тревогу, что КПСС теряет авторитет, ее теснят другие политические силы, в некоторых местах коммунисты вынуждены перейти в оппозицию. Это так, и ничего к лучшему не изменится, если партийные кадры будут рассчитывать на возврат того времени, когда можно было получить от ЦК своего рода мандат на управление районом, городом, областью, республикой и сидеть в кресле до последнего своего часа, независимо от того, как ты ведешь дело, что о тебе думают люди. Нельзя вернуть вчерашний день, и никакая диктатура — если у кого-то в голове застряла эта бредовая идея — ничего не решит. Партия не сумеет перестроиться до тех пор, пока все мы не поймем, что пришел конец монополии КПСС на власть и управление. Даже если мы сумеем завоевать на выборах большинство — а мы можем и должны действовать, чтобы завоевать большинство и сохранить свое положение правящей партии, — даже в этом случае целесообразно идти на сотрудничество с беспартийными депутатами, представителями других, признанных по закону политических течений, искренне озабоченных судьбой страны. Покончить с сектантскими настроениями, навсегда вытравить их из сознания партработников и всех коммунистов» — этой мыслью я завершил свое выступление.

Был объявлен перерыв. Едва я сошел с трибуны, меня обступили делегаты — кто хотел поделиться впечатлениями, кто спешил использовать шанс для постановки наиболее проблемного вопроса, а кто просто напоминал о себе. Все проявления человеческой натуры. Налетели и журналисты, требуя короткого интервью. Высвободившись, я прошел в комнату отдыха, где за большим столом собрался весь состав Политбюро. Посыпались поздравления разной степени искренности. Запомнилось мне, что в хвалебный хор включился и Лигачев.

— Ну, Михаил Сергеевич, вы сегодня были в ударе. Программная речь. Готовая платформа...

Не ручаюсь за каждое слово, но общий смысл был таким. Я поблагодарил, а сам подумал: неужто поддался на аргументы? Скорее, лукавит, хочет снять подозрения на свой счет. В последнее время мне не раз пришлось на Политбюро «урезонивать» Егора Кузьмича. Да и то, что он — лидер правого крыла, ни для кого не было секретом. Предстояли выборы, он уже «примерялся» на второй пост в партии и не терял надежды заручиться благословением генсека.

Приступили к подготовке резолюций. Впервые на партийном съезде (исключая ленинские времена, где, судя по стенограммам, живо обсуждались проекты даже самых коротких документов) к этому подошли серьезно. Во всяком случае, на съездах, в которых мне довелось участвовать, все совершалось чисто формально, упрощалось до вульгарности. На XXIV съезде и вовсе решили не мудрить: «С прекрасным докладом выступил Леонид Ильич, там есть все, что нужно, давайте примем короткое решение — руководствоваться положениями отчетного доклада Генерального секретаря».

Да, съезд сильно отличался от предыдущих и в этом отношении. Острые дискуссии возникли уже при формировании комиссий для разработки документов. Скажем, немалая часть делегатов протестовала против включения в одну из них (по Уставу партии) Отто Лациса. Хотя тогдашние его позиции я бы назвал довольно взвешенными, его выступления в «Известиях» далеко не всем нравились. Блокируя людей реформаторского толка, в то же время добивались обильного включения представителей секретарского корпуса.

Я считал желательным участие тех и других. Пусть комиссия будет несколько громоздкой, но не должно было создаваться впечатление, что кто-то чего-то боится и сооружает искусственные препятствия для представления различных течений и точек зрения. Но схватки с новой силой обострились при избрании председателей комиссий. Кандидатура Разумовского на пост руководителя комиссии по Уставу была забаллотирована. Тогда я предложил себя и был избран.

Комиссию по подготовке программного заявления возглавил Медведев. Претендентов на пост председателя комиссии по аграрной политике оказалось 11. Причем в драматической тональности был поставлен вопрос о том, чтобы ее возглавил Лигачев. Объяснялось это тем, что деятели, занимавшие такой пост, как бы получали «проходной балл», своего рода гарантию сохранения в составе партийного руководства после съезда. И вот сторонники Егора Кузьмича бросились на защиту выразителя своих интересов. Кстати, за него проголосовали под аплодисменты, а вот предложение поручить Абалкину руководство комиссией по вопросам экономической политики консервативно настроенные делегаты провалили.

Хочу передать атмосферу работы комиссий по своему личному опыту. Обычно генсек, выдвигавшийся председателем той или иной комиссии, как бы передавал полномочия для практической работы кому-то из своего ближайшего окружения. На сей раз, несмотря на всю остроту дискуссии и необходимость постоянного моего присутствия на съезде, пришлось провести несколько заседаний комиссии по Уставу лично.

Так я находился все время в «челночных рейсах» между президиумом съезда и комнатой, где работала комиссия. Познакомился со многими интересными людьми и некоторых включил в «центральный список», продвинув через него в руководящие органы КПСС.

Думаю, то, что было заложено тогда в Уставе, привело бы к радикальной демократизации партии, не оказалась ее история прервана в августе 1991 года. Прежде всего я имею в виду расширение прав коммунистов, первичных организаций, самостоятельность компартий республик. Обеспечивалась децентрализация функций, а включение руководителей компартий в состав Политбюро гарантировало единство действий.

Мне ежедневно докладывали о работе других комиссий. В комиссии по экономическим вопросам остро схлестнулись позиции реформаторов и консерваторов. Схватка о формах собственности разрешилась согласием на формулу «трудовой частной собственности». Ортодоксы от начала и до конца воевали против рынка. В конце концов комиссия вышла на позиции, адекватные тем, что уже были приняты в обществе, получили закрепление на сессии Верховного Совета. Правительство в это время уже работало над предложениями о неотложных мерах перехода к рыночной экономике.

Упорная, напряженная борьба. Только к тринадцатому заседанию, на котором я выступал с заключением по отчету, наступил перелом в течении съезда. Впереди были острые схватки, связанные с выбором нового руководства, но основную задачу мы решили, не позволив столкнуть партию со взятого курса реформ и положив начало ее собственному преобразованию.

Политическая драма в трех актах

Сразу же после моего заключительного слова началось выдвижение кандидатур на пост Генерального секретаря. По поручению Совета представителей делегаций слово было предоставлено Владимиру Андреевичу Колюте, бригадиру объединения «Химпром» из Кемерово. Он сообщил, что были названы четверо: Гуренко, Ивашко, Лобов, Горбачев. Гуренко и Ивашко сняли свои кандидатуры, Лобов призвал голосовать за Горбачева. Совет предлагает избрать Генеральным секретарем Горбачева Михаила Сергеевича.

Слушая это сообщение, я думал: насколько изменилась обстановка в партии, изменились люди. При выборах Генерального есть уже конкуренты, альтернативы, и никто не боится, что ему заломают руки и отправят куда подальше. Что касается моего будущего, то, признаюсь, у меня мелькнула мысль: было бы хорошо, если бы они там взяли да «отрубили» мою кандидатуру. Психологически я к этому был готов и воспринял бы спокойно, даже с облегчением, поскольку меня многие уговаривали оставить руководство партией. Но время для этого не созрело, что, кстати, показала развернувшаяся тогда дискуссия.

Делегат Исмаилов из Азербайджана — доктор наук, главный конструктор научно-производственного объединения космических исследований — сказал, что при Горбачеве созданы новая структура государства, экономики, политическая система, высоко отозвался о моей деятельности на международной арене. Добавил, что я взялся за перестройку сразу всех сфер жизни, «переоценив возможности и зрелость общества». И пожелал впредь больше последовательности, продуманности.

Бригадир проходчиков шахты «Северная» (из Кемеровской области) Рыбаков заявил, что товарищи ему поручили голосовать против совмещения должностей. «Это может просто вызвать эмоциональный взрыв, тем более завтра у нас назначена забастовка во всех шахтерских регионах». Его поддержал водитель таксомоторного парка из Москвы Болтовский, предложивший избрать генсеком Авалиани, секретаря Киселевского горкома партии, приобретшего известность как народный депутат СССР, председатель забастовочного комитета Кузбасса.

Завязались дебаты о целесообразности совмещения должностей. Военнослужащий Фролов и партийный работник Бибулатов высказались «за», исходя из того, что это нужно как самой партии, так и президенту. А преподаватель военной академии Ефимов сказал, что Горбачев с 1971 года занимает руководящие посты в партии, с 1978 года — секретарь ЦК.

— Не запустим ли мы сейчас его еще раз на орбиту состязания по продолжительности работы в высших органах партии по примеру Брежнева, Чаушеску, Хонеккера и ряда других, дискредитировавших себя лидеров? Совмещение постов дискредитирует саму идею президентского правления. Поэтому предлагаю Михаилу Сергеевичу снять свою кандидатуру.

Делегат Юсупов из Узбекистана выступил за мое избрание, мотивируя это тем, что я начал перестройку, «показал себя противником догматизма» и пользуюсь международным признанием. Любопытной была логика Елепина из Башкирии: совмещение постов может быть объяснено или соображениями высшей политики, которая «может восприниматься как высшая математика и быть не совсем понятной, или соображениями здравого смысла. Здравый смысл против этого». И выдвинул кандидатуру Лобова.

Другой делегат из Башкирии, профессор Уфимского нефтяного института Старцев, обратился ко мне так:

— Михаил Сергеевич, во имя сохранения священного вашего имени первооткрывателя новой эпохи истории нашего народа прошу свою кандидатуру на пост Генерального секретаря ЦК КПСС снять.

Были страстные выступления за мое переизбрание, были и другие обращения ко мне с просьбой снять свою кандидатуру. Назывались альтернативные кандидаты, причем как людей в партии известных (Бакатина, Шеварднадзе, Яковлева), так и молодых коммунистов, о которых до съезда мало кто или вовсе никто не слышал.

Первый секретарь Усинского горкома из Коми АССР Голиков сказал с иронией, что предлагает сделать заявку на запись в Книгу рекордов Гиннесса: «Мы единственная партия, которая отказывается от того, чтобы ее лидер был президентом».

В конце концов в списке для голосования остались два кандидата: Горбачев и Авалиани, а голоса между нами распределились так: за меня — 3411, за моего соперника — 501. Голосование было предсказуемо, поскольку 1100 человек (с «отклонениями» в ту или в другую сторону) заняли с начала съезда негативную позицию по отношению к генсеку. Легко догадаться, что больше всего в этой тысяче была представлена партийная и управленческая номенклатура.

Но все прошло в согласии с принципами демократии. Мы сумели внедрить их и в этот заповедник тоталитарной системы. Невольно вспомнилось, что после избрания Сталина генсеком на XVII съезде партии в 1934 году были «вычислены» 280 с лишним депутатов, проголосовавших против. Чтобы «не ошибиться», решили в три раза увеличить эту цифру и уничтожили едва ли не весь состав делегатов.

Прямым продолжением выборов генсека стали выборы его заместителя. Пост этот приобретал особое значение, поскольку мне поневоле приходилось уделять больше внимания своим президентским обязанностям и вся текущая организаторская работа ложилась на плечи зама. Кроме функциональной стороны дела была и политическая. Хочет ли съезд, чтобы руководство действовало как одна команда во главе с лидером партии? Или, напротив, не рискнув сменить Генерального, занимающего высший государственный пост, намеренно отдаст второй пост в КПСС деятелю другой ориентации? Как бы ставит контролера над Горбачевым.

Мы закладывали в Устав новую роль республиканских партий, следовательно, первым критерием становилось представительство одной из них. Раз генсек из России, естественно было избрать замом представителя Украины. Я остановился на кандидатуре В.А.Ивашко. Стронник реформ, придерживающийся умеренных политических взглядов; не витает в «теоретических эмпиреях», отдает предпочтение житейскому здравому смыслу; скромн, прост в обращении с людьми. Импонировали мне спокойная, уверенная манера держаться на трибуне, мягкий украинский юмор.

Беда Владимира Антоновича в том, что судьба поставила его перед испытанием, требовавшим сильной воли, способности брать на себя ответственность за все. Это оказалось ему не по плечу. Метался, поддаваясь влиянию более волевых коллег по руководству, окончательно «скис» в роковые дни августа 1991 года. Как бы то ни было, в то время у него был, употребляя модное выражение, высокий рейтинг среди делегатов. На Совете выдвинули также Лигачева, Дьякова (первый секретарь Астраханского областного комитета КПСС), Лобова, Бакатина, Янаева, Яковлева, Назарбаева и других, всего 9 человек. Большинство из них сняли свои кандидатуры, на обсуждение съезда были предложены Ивашко и Лигачев.

Представитель украинской делегации заявил: «Мы знаем много случаев, когда нами правили праведные старцы. Давайте хоть сегодня поступим принципиально и выдвинем на этот пост человека не старше 60 лет». И потребовал даже ввести возрастной ценз.

Пришлось мне держать речь. Я сказал:

— Всех нас беспокоило, что руководство КПСС на каком-то этапе превратилось в синклит стариков, это было одним из факторов застоя, вело к серьезным деформациям, усугубляло сталинскую модель. Но мы не должны испытывать комплекс на этой почве, потому что установили в качестве главного принципа альтернативность при избрании руководителей и ограничили двумя сроками занятие должностей. С другой стороны, бывает ведь и так, что человек в 35 лет — развалина. Давайте возьмем за правило, чтобы представлялись справки о состоянии здоровья, а если надо — осуществлялась диспансеризация.

Формальных решений на этот счет не было принято, но предложение о возрастном цензе съезд отклонил — правда, всего сотней голосов.

Рабочий нефтехимического объединения из Башкирии Булатников обратился к Лигачеву с просьбой снять свою кандидатуру. Напомнил, какие чувства испытывали коммунисты, когда Генерального секретаря Черненко вывели на трибуну под руки. А ректор Ташкентского государственного университета Юсупов заявил:

— Михаил Сергеевич, вам нужен молодой, энергичный, трезвомыслящий помощник. Егору Кузьмичу 70 лет, он стал раздражительным и несамокритичным, поэтому лучше проводить его торжественно, с почетом и уважением на пенсию.

Были предложения не принимать самоотводов Гуренко, Малофеева и других, ранее выдвинутых. Названы кандидатами в замы генсека И.Т.Фролов, А.Рубикс, а ректор Технологического института из Ленинграда А.С.Дудырев выдвинул собственную кандидатуру, сообщив, что ему 45 лет и он готов работать с тем же окладом, какой имеет сейчас. В конце концов он-то вместе с Ивашко и Лигачевым остался в списке.

Потом обнаружилось, что мы нарушили инструкцию, приняв самоотводы без выяснения, а нет ли в данном случае отводов. Это был очевидный сигнал, что многие делегаты, опасаясь избрания Лигачева, не хотели, чтобы он оставался в списке. Снова разгорелась дискуссия, посыпались мотивированные отводы Лигачева. Поднялся шум и гам, эта тема явно раскалывала съезд. В конце концов в списке кандидатов его фамилия осталась, но заранее было ясно, что шансов быть избранным у него нет.

Действительно, по итогам выборов Дудырев получил за — 150 голосов, против — 4268, Ивашко — за — 3109, против — 1309, Лигачев — за — 776, «против» — 3642. То есть даже часть делегатов, которая постоянно голосовала против Горбачева и его сторонников, отказала в поддержке Лигачеву. Правое крыло потерпело на съезде поражение и потому, что у него не нашлось достаточно сильного и авторитетного лидера. Но ведь это, наверное, не случайно. Какой авторитет можно нажать на защите обанкротившейся системы!

Поражение Лигачева означало удар и по политической линии, которую он представлял. Одновременно это был сигнал, что отныне фундаменталистские силы в партии намерены действовать открыто, в качестве фракции или правой оппозиции реформистскому руководству. Каюсь, я тогда недооценил этой опасности. Особенно не могу себе простить, что позволил занять ключевое место в Политбюро — курирование организационно-партийного отдела — Шенину. По странной аберрации зрения принимал его за искреннего сторонника преобразований. А может быть, тут дело было в его способности мимикрировать, умело играть роль прогрессиста, новатора, оставаясь в душе закоренелым ретроградом? Во всяком случае, помню, у меня с ним был разговор после съезда и я, в частности, ему сказал:

— Учти, Олег, у нас в партийной верхушке и аппарате засилье бюрократов, которым плевать на перестройку, судьбу страны. Для них главное — удержаться у власти. Вам придется очень нелегко с этой публикой. А ее выпроваживать надо, искать и выдвигать молодых, отважных, мыслящих. Без этого и реформы захлебнутся, и партии каюк.

Шенин слушал, горячо соглашался, рассказывал о своих планах обновления кадров. На поверку все обернулось блефом.

Если выборы Генерального секретаря были первым актом развернувшегося на съезде драматического столкновения фундаменталистов с реформаторами, избрание заместителя генсека — вторым актом, то третьим — стали обсуждение кандидатур и выборы нового состава ЦК.

Собственно говоря, поначалу все обстояло пристойно. Поскольку подавляющая часть будущих членов ЦК представлялась делегациями компартий республик, борьба за эти места прошла где-то до съезда. А если какие-то ее отзвуки и докатились до момента голосования, то все-таки «разборки» осуществлялись в рамках делегаций.

Схватка развернулась вокруг так называемого «центрального списка». Было общее согласие, что определенная «квота» цековских мандатов должна быть выделена для партийцев «союзного уровня» — признанных членов общепартийного руководства,

видных идеологов КПСС, авторитетных коммунистов, занятых в союзном правительстве, крупных военачальников, творческих работников и т.д. Готовился такой список под моим контролем, и называли его неофициально «списком генсека».

Речь шла о 75 мандатах, на которые были выдвинуты 85 кандидатов. Среди них были названы и представители нового российского руководства — Ельцин, Силаев, Хасбулатов. Сразу же после оглашения списка Ельцин попросил слова. Смысл его заявления состоял в том, что в связи с избранием Председателем Верховного Совета РСФСР и с учетом перехода общества к многопартийности он не сможет выполнять только решения КПСС, обязан подчиняться воле народа и его полномочных представителей. А посему, в соответствии с обязательствами, взятыми в предвыборный период, выходит из КПСС. Добавил, что намеревался выступить с этим заявлением после съезда, но выдвижение в состав ЦК побуждает его не откладывать этой меры.

Не сомневаюсь, что в расчеты Ельцина входило вызвать другие заявления такого же рода. Этого, однако, не случилось. Характерно, что приведенная им мотивировка выхода строилась не на несогласии с линией партии, с решениями съезда — она целиком покоилась на формальных соображениях. Видимо, работа съезда не давала для этого достаточно серьезных оснований. При всех стараниях правого крыла было очевидно, что партия не остается безразличной к ветрам времени, разворачивается, пусть с натугой и скрипом, в сторону признания новых реалий.

Напомню, что это было его второе выступление. В первом, так сказать «программном», он говорил о том, что партия должна сделать, чтобы спасти себя: решительно размежеваться с тем-то, встать на такой-то путь. И если ход съезда, как говорится, «не оправдал надежд», ничто не мешало ему сказать во втором выступлении: вижу, что партия не хочет меняться, продолжает свой пагубный курс, а поэтому не могу выполнять ее решения, выхожу из ее рядов и призываю других последовать за мной. Но Ельцин этого не сделал.

Со своей стороны я, как председательствующий, решил придать этому вопросу рутинный характер и сказал примерно так: «Поскольку Ельцин заявил о выходе из партии, я думаю, съезд должен поручить мандатной комиссии внести предложение о погашении его мандата. Что касается остального, то это решил сам товарищ Ельцин. Вы услышали аргументы, нам остается принять их к сведению. В связи с этим отпадает предложение о включении его кандидатуры в список для выборов в ЦК».

Я сидел в президиуме и мог наблюдать картинный выход Ельцина из зала. Он шел не спеша, думал, вероятно, что будут аплодировать, а кое-кто двинется за ним. Но эффекта, на который рассчитывали постановщики этой сцены, не получилось.

Затем последовало, пожалуй, главное сражение на партийном форуме. Ортодоксы потребовали исключить из «списка генсека» 13 человек, вызывавших у них не то что неприязнь, а просто ярость своими либеральными взглядами. Причем в этом случае они нашли довольно сильную поддержку у многих делегатов, занимавших по другим вопросам умеренные позиции. Боюсь, сказались и традиционное недоверие к интеллектуалам.

Но тогда сохранить «13» в списке было принципиально важным. Мне пришлось несколько раз включаться в дискуссию, которая шла на повышенных тонах, на грани истерии. И в конце концов сделать заявление, которое потом некоторые сравнивали с позицией Ленина при обсуждении вопроса о Брестском мире. Фактически это был переломный момент в ходе съезда, своего рода кульминация, после которой начался уже более спокойный финал. Правда, центральный список изрядно «пропололи» при голосовании, но мне и моим единомышленникам удалось настоять на избрании в состав ЦК ряда коммунистов с твердыми демократическими убеждениями.

Вот, пожалуй, самое существенное о XXVIII съезде. Он оказался последним в истории РКП(б) — ВКП(б) — КПСС, но на нем еще не решалась судьба партии.

Все же есть основание считать, что XXVIII съезд был шагом вперед в развитии партии.

При всех стараниях консерваторов масса рядовых партийцев откликнулась на зов времени. Ничем иным нельзя объяснить, что съезд в главных вопросах не поддержал ортодоксов и фундаменталистов, принял платформу и Устав, которые означали радикальные изменения самой сущности КПСС. Она вступила на этот путь и имела шансы пройти его до конца.

Здесь я перехожу к другому вопросу — о возможности реформирования КПСС. До сих пор идут споры по этому поводу. У тех, кто категорически настаивает, что преобразование партии было невозможно, я усматриваю знакомый «след» жесткого марксистского детерминизма. Все возможно на этом свете.

Так вот, XXVIII съезд как раз продемонстрировал, что все в партии начало двигаться — пусть с трудом, на малой тяге, с сильнейшим сопротивлением, но пришло в движение. Следующее, еще более определенное свидетельство того, что КПСС поддавалась реформированию, представил июльский Пленум ЦК 1991 года.